

М. И. Надеева

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ

*Ключевые слова: социальная работа, благотворительная деятельность, Русская православная церковь.**Проанализирован исторический опыт социальной деятельности Русской православной церкви. Описана благотворительная деятельность Церкви в переломные периоды формирования Российского государства.**Keywords: social work, charity, the Russian Orthodox Church.**The historical experience of the social activities of the Russian Orthodox Church is analyzed. The charity activities of the Church in the critical periods of the formation of the Russian state are described.*

Развитие теории и практики социальной работы в России имеет долгую многовековую традицию. Логика становления отечественной государственности привела к тому, что одну из центральных ролей в общественном призвании играла Русская Православная Церковь (далее РПЦ). Веками всечеловеческая, христианская идея любви к ближнему призывала национальное самосознание россиян к милосердию и благотворению. К сожалению, достаточно долго эти понятия отождествлялись исключительно с религиозной деятельностью РПЦ и христианской моралью. Замалчивался тот реальный вклад, который внесла РПЦ в дело помощи «сырым и убогим» на протяжении всей своей истории. Однако, по мере возрождения в конце XX – начале XXI вв. отечественной благотворительности и восстановления института социальной работы становится очевидной необходимость изучения и практического применения опыта религиозной благотворительности РПЦ, которая с самого начала своего существования была организацией, взявшей в свои руки заботу о бедных и неимущих людях. Традиции милосердия, благотворительной деятельности активно развивались в восточно-христианской церкви с самого начала ее формирования. Со времен христианизации Руси до 1917 г. дело «общественного презрения» находилось в руках церкви.

Для более тщательного анализа мотивации и сущности социальной деятельности Русской Православной Церкви проследим, как накапливался исторический опыт и складывались традиции государственно-церковных отношений и социального служения церкви в предшествующие периоды.

В России становление системы социальной помощи нуждающимся слоям населения насчитывает многовековую историю. Первые элементы помощи взрослым и детям на Руси появились задолго до принятия христианства. Так, великая княгиня Ольга помогала нищим, вдовам, сиротам и другим нуждающимся. Однако благотворительность, как организованная общественная система призрения, стала складываться на Руси с принятием христианства в 988 году и имела вид нищелюбия, которое соблюдали и почитали все слои общества. Благотворительность на Руси с самого ее начала существования находила поддержку у правителей и высших сословий.

Особый вклад в развитие общественного призрения внес князь Владимир. Под влиянием христианских заповедей, он велел всякому нищему

(взрослому и ребенку) приходить на княжеский двор, есть и пить. Позднее по улицам стали развозить хлеб, мясо, рыбу, овощи, мед и квас для немощных и нищих. Уставом 996 г., князь Владимир официально вменил в обязанность духовенству заниматься общественным призрением, определив десятину на содержание монастырей, церквей, богаделен и больниц. Церковное имущество провозглашалось достоянием бедных, а священнослужители – лишь распорядителями этого имущества в интересах нуждающихся. Это обеспечило Православной Церкви на долгое время ведущую роль в организации благотворительной деятельности.

Преемники князя Владимира следовали его примеру. Так, князь Ярослав Владимирович основал сиротское училище, в которое ежегодно принималось на полный пансион около 300 подростков. Также при его содействии получило распространение оказание бесплатной медицинской помощи при монастырях. Внук Ярослава, Владимир Мономах, также активно помогал неимущим слоям населения, щедро раздавая деньги нуждающимся, призывая детей и дружину следовать своему примеру. Сестра Владимира Мономаха Анна Всеволодовна открыла в Киеве женское училище для всех сословий, содержа его на собственные средства, сама обучала учениц грамоте и ремеслам. Сыновья Мономаха Мстислав и Ростислав также отличались бескорыстной и искренней любовью к бедным. Так, Ростислав отдал им все имущество, полученное в наследство. Правивший в Киеве в первой половине XII века князь Николай Давыдович построил в городе «больничный» монастырь, ставший первой в России богадельней за церковной оградой. Удельный Владимирский князь Всеволод Юрьевич, после пожара 1185 года, уничтожившего все деревянные постройки во Владимире, раздал горожанам средства на строительство новых домов [1].

С началом татаро-монгольского ига всё управление благотворительностью передается церкви. Ее деятельность была направлена на сохранение славянской культуры, православных традиций, а также основ помощи населению. Повсеместно открывались монастыри, которые развивали «пансионную» систему поддержки людей. Церковь взяла на себя функции защиты и поддержки вдов и сирот, она оказывала почти все виды хозяйственной помощи (обработка земли, выплата денежного и хлебного оброка и др.) семье. Монастырские стены явля-

лись хорошей защитой для детей, рабочего люда, пожилых людей.

После освобождения от татаро-монгольского ига, на Руси открылись более благоприятные возможности для развития культуры, роста общественного сознания. Так, в 1505 г., во время княжения Василия Ивановича, некоторые монастыри, например, Корнилий в Вологодской губернии, Печерский в Пскове учредили больницы и богадельни для нищих и странствующих.

Иоанн IV Грозный сразу после вступления на престол в 1547 г. созвал в Москву духовенство, бояр, думных дьяков для того, чтобы составить новые законы, в том числе и касающиеся общественного призрения. Для духовенства было принято решение отделить действительно нуждающихся от профессиональных нищих; устроить мужские и женские богадельни под началом священников.

На соборе 1681 года царь Федор Алексеевич отдал распоряжение об открытии в епархиях богаделен и пристанищ нищим. Троице-Сергиева Лавра, Белозерский Кириллов монастырь и другие монастыри учредили больницы и богадельни для нуждающихся.

Во время голода, особенно постигшего Москву в период правления Бориса Годунова, все монастыри, архиереи, бояре и дворяне, жившие в деревнях, должны были весь излишек своего хлеба продавать царю за половинную цену для раздачи бедным. После его смерти наступила еще более тяжелая пора для России. В эпоху В. Шуйского и Междоусобия духовенство оказалось на высоте своего призвания и протянуло руку помощи народу. Особенно отличался благотворительностью московский Троице-Сергиев монастырь: при долговременной безуспешной осаде его польским главнокомандующим К.Л. Сапегой он имел на своем попечении около 15 тысяч осажденных с женами и детьми. После снятия осады поляками монастырь продолжал служить единственным пристанищем для большого количества бедных и немощных людей. Призрение и пособие предоставлялось всякому безвозмездно. За монастырем были построены особые дома и больницы для оказания помощи раненым на войне и больным свирепствовавшей в стране моровой язвой. В 1613 г. Управление делами общественного призрения и благотворительности было поручено Патриаршему приказу. В его распоряжении находились остатки от патриарших и монастырских доходов и различные сборы. Приказ заведовал больницами, богадельнями, сиротскими домами и прочими благотворительными учреждениями. Впоследствии был основан аптекарский приказ, в ведении которого были заботы о призрении больных и немощных.

В эпоху царствования Михаила Федоровича размаху социального служения Русской Православной Церкви способствовало то обстоятельство, что ближайшим сотрудником царя в вопросах благотворения был его отец - патриарх Филарет Никитич, который от себя лично учреждал различные благотворительные заведения. В 1626 г. он основал в Москве особый больничный монастырь святого Феодора.

В эпоху царствования Алексея Михайловича дело благотворения получило дальнейшее развитие. Так, в 1656г., был возведен Кондинский мужской монастырь для призрения старых, увечных, безродных и беспомощных. Ближайшим сотрудником и помощником в делах общественного призрения царь избрал митрополита Никона. При его непосредственном участии в Новгороде было открыто четыре дома для призрения бедных, вдов, сирот и престарелых.

В царствование Алексея Михайловича социальная активность распространилась не только на материальные стороны жизни общества, обращалось внимание на духовно-нравственное состояние жизни, повышение уровня грамотности и образованности. Было учреждено училище при Андреевском монастыре. Из малороссийских монастырей туда переехало 30 монахов, которые учили славянской и греческой грамматике, риторике и философии и переводили книги. В училище воспитывались и призревались преимущественно дети неимущих классов населения.

Эпоха Петра I во многом изменила, усовершенствовала механизмы социального служения. Так, при нем открытие и содержание богаделен и больниц входило в обязанности приказов, сначала Патриаршего, затем, с 1701 г. Монастырского, а с 1721 г. это дело было поручено Святейшему Синоду и Камер-Конторе.

Одним из главных сподвижников Петра I в деле общественного призрения и благотворительности был Иов, митрополит Новгородский, отличавшийся конкретной практической деятельностью. В 1698 г. он учредил больницу и Церковь в Новгородском Антониевом монастыре на средства, пожертвованные воеводой П.М. Апраксиным и другими новгородскими жителями. Он же в 1706 году за архиерейский счет открыл в Колмове монастырь, недалеко от Новгорода, а также больницы для инвалидов и дом для призрения сирот и незаконнорожденных.

Следующие шаги в деле развития социального служения Русской Православной Церкви были сделаны в XVIII в. во время царствования трех императриц: Анны, Елизаветы и Екатерины II. Несмотря на то, что императрица Елизавета повелела конфисковать большую часть монастырских земель, а ее преемница, императрица Екатерина II издала указ, закрывающий больше половины всех монастырей, лишив Церковь доходов, в монастырях продолжали учреждаться приюты и школы для сирот, госпитали и богадельни для больных, престарелых и увечных.

Таким образом, к XIX столетию в России был накоплен достаточно богатый опыт государственно-церковных отношений и социальной деятельности Русской Православной Церкви. Это время было охарактеризовано размахом социальной деятельности жены Павла I императрицы Марии Федоровны. Организовывались воспитательные дома для детей; детские приюты; общества призрения детей, просящих милостыню; Общество вспоможения бедным ученикам гимназий; Ремесленное училище Князя Долгорукого. В царствование Императора

Александра I в 1802 г. было учреждено Императорское Человеколюбивое Общество, в состав которого входили лечебные заведения, богадельни, учебные заведения и т.п. Известно, что «Временный комитет для разбора и призрения нищих и для изыскания средств к уменьшению нищенства» находился под покровительством императора Николая I. Императорское покровительство этого вида социального служения после Николая I продолжила Мария Александровна – императрица, супруга Александра II. В Ведомство Учреждений императрицы Марии входил Императорский Московский воспитательный дом (с грудным отделением и для малолетних сирот, с родильным госпиталем и повивальным институтом, больницей и гинекологическим отделением), а также Московский Императорский Вдовый дом. Мария Александровна много сделала для женского образования. Благодаря ее стараниям были учреждены всесословные женские средние учебные заведения, а также женские епархиальные училища. Нельзя не отметить специально роль в деле государственной благотворительности под сенью Русской Православной Церкви императрицы Александры Федоровны, жены Николая II.

Конец XIX в. характеризовался оживлением социальной деятельности Русской Православной Церкви во всех ее проявлениях. Одним из самых ярких показателей авторитета Православной Церкви в обществе являлся количественный рост православного населения в Российской Империи: процент православных христиан к концу XIX столетия равнялся 63%.

За одиннадцать веков становления и развития помощи особо нуждающимся слоям населения произошел переход от неорганизованного, примитивного попечения к системе общественного призрения, развивалась частная благотворительность. Помощь изначально имела дифференцированный и индивидуализированный характер. Основными очагами оказания помощи стали государственные учреждения, монастыри и церкви. Велась активная борьба с профессиональным нищенством. Наблюдалось постепенное увеличение категорий призреваемых людей. В начале XX века русская благотворительность переживала пик своего развития. На сто тысяч жителей приходилось 6 благотворительных учреждений. Стоит учесть, что около 80 % такого рода учреждений были открыты частными лицами и развивались исключительно на пожертвования [2].

К началу XX века сложилось два основных вида призрения: открытое и закрытое. «Открытое» призрение заключалось в оказании помощи людям без помещения их в учреждения — раздача кормовых денег, пособий, пенсий. «Закрытое» призрение оказывалось только в учреждениях. Оно заключалось в развитии таких направлений, как передача на воспитание в частные руки и развитие сети специализированных учреждений: благотворительных обществ (обществ, ведомств, фондов, попечительств) и благотворительных заведений (воспитательных домов, приютов, богаделен, яслей, больниц и др.). При этом благотворительные заведения могли функцио-

нировать как самостоятельно, так и в составе обществ.

Революция 1917 года придала российской системе социальной помощи совершенно иной характер. Стал преобладать унифицированный подход. Произошел переход к централизованному управлению системой помощи населению. В результате начала постепенно сокращаться, вплоть до полного исчезновения, доля частного сектора. Целенаправленно уменьшалась степень участия церковных учреждений в благотворительности. Государство определило детство как высшую ценность, а его защиту — как одно из приоритетных направлений советской политики. Поэтому оно взяло на себя всю ответственность по организации помощи детям, т. к. на подрастающее поколение возлагались большие надежды. Акцент делался, прежде всего, не на семейном, а на коллективном воспитании.

После октября 1917 г. церкви запретили всякую социальную заботу. Ленинским декретом она была отделена от государства и школы. Храмы подвергались варварскому разрушению. Конфискации церковного имущества, разорение монастырей, убийства и высылки священнослужителей — вот обычная практика того периода. Две войны, репрессии в 1928 и в 1934 гг. нанесли Русской Православной Церкви такой удар, от которого ей не удаётся оправиться и до сих пор. Однако самым тяжким испытанием в условиях социальной изоляции стала невозможность проявлять благотворительность в жизни верующих. Все же и в это трагическое время РПЦ была духовным пастырем в делах милосердия. В начале 20-х гг. в России разразился страшный голод, унесший огромное число человеческих жизней. Советская власть была не в состоянии справиться с бедствием, а во многом и усугубляла его. Не раз гонимый митрополит Тихон обращался к христианам всего мира помочь россиянам, а также к приходам, уцелевшим от грабежа, с просьбой о пожертвовании церковных украшений, не имеющих обрядового предназначения в фонд помощи голодающим.

Во время Великой Отечественной войны РПЦ не оставалась в стороне от общего дела борьбы с врагом. В первый же день войны глава Православной Церкви в России митрополит Сергей опубликовал своё воззвание ко всем верующим нашей страны. В этом воззвании он обращался к патриотическим чувствам верующих людей. По всей стране служили молебны о даровании победы. В приходах проводился сбор средств для обороны и подарков бойцам, на содержание раненых в госпиталях и сирот в детских домах. На сооружение танковой колонны имени Дмитрия Донского было собрано 8 млн. рублей. Сибирская эскадрилья «За Родину» была построена и оснащена за счет средств клириков и мирян. Всего за войну на нужды фронта православными верующими было собрано 200 млн. рублей.

После войны РПЦ совместно с другими религиозными организациями активно участвовала в борьбе за мир. Немалые взносы были сделаны ею в советский фонд мира. Опыт миротворческого слу-

жения Русской Церкви общепризнан. Он укрепил ее международные связи как гуманитарного, так и экономического характера. Несмотря на то, что открытые нападки на Церковь, в силу ее заслуг перед страной, прекратились, она, как и прежде, была вынуждена совмещать активную патриотическую позицию во внешней политике с социальным индифферентизмом внутри страны. Если отдаление Церкви от государства способствовало восстановлению ею автономии, то, с другой стороны, это же «отлучило» религию от благотворительности. Попытки Церкви стать полезной обществу разбивались о принцип: «Социализм можно построить и без Бога».

Однако в конце 80-х гг. XX в. государство признало необходимость предоставления возможности гражданам инициативно участвовать в социальной взаимопомощи, видя в этом не только путь к частичному освобождению государственного бюджета от расходов на социальные нужды, но и одно из средств формирования гражданского общества. Были созданы несколько фондов, которые должны были охватывать своей деятельностью всю территорию государства: Фонд культуры, Детский фонд, Фонд милосердия и здоровья [3].

Перестройка изменила отношение официальной власти к неоднократным заявлениям деятелей Церкви о желании включиться в возрождающееся движение милосердия. Ответ на них ограничивался включением духовенства в состав Советского фонда культуры, Детского фонда им. В.И. Ленина и т. д. Неудовлетворенность возникшими на волне обновления форм благотворительности выразилось еще и в том, что милосердие для христианина, как сказано в Евангелии, не может быть абстрактным. Это любовь на деле. Священнослужители всё чаще высказывались против формального отношения к средствам Церкви как к источнику финансирования общегосударственных социальных акций и планов благотворительной работы глобального характера.

Принятая в 1993 г. Конституция Российской Федерации подтвердила отделение религиозных объединений от государства, но уже на фоне всеобщего признания роли Церкви в процессе обновления. Перестройка вернула ей право на приоритет в делах милосердия и сострадания. По Закону о свободе вероисповеданий религиозным объединениям и церквям было разрешено заниматься благотворительностью, что сразу активизировало их социальную работу. Приходы стали помогать прихожанам медикаментами, пастырским попечительством. Получаемая Церковью помощь из-за рубежа стала распределяется среди многосемейных, малоимущих, инвалидов-прихожан. Была организована школа медсестер при Марфо-Мариинской обители, появился новый синодальный отдел благотворительности. В начале 90-х годов XX века доля участия церковных учреждений при оказании социальной помощи населению вновь стала увеличиваться. При этом направления помощи были самыми разнообразными — помощь людям, страдающим алкоголизмом, наркоманией, помощь людям без опреде-

ленного места жительства, помощь бродяжничающим детям и т. д.

Процесс осмысления исторического наследия, опыта и современного состояния социальной жизни на рубеже тысячелетий происходит на фоне дестабилизации в сферах экономики, политики, духовной жизни, резкого социального расслоения общества, падения жизненного уровня некоторых слоев населения, активного поиска решения означенных проблем. Важным шагом в этом процессе стало принятие в августе 2000г. «Основ социальной концепции Русской Православной Церкви». Несмотря на то, что социальному служению в России исполнилось в 2001г. уже 300 лет, никогда ранее не существовало официального церковного документа, в котором бы была систематизирована и сформулирована позиция Церкви по широкому кругу проблем, имеющих отношение к жизни общества. Данный документ определяет, что Русская Православная Церковь в осуществлении своих социальных программ может рассчитывать на помощь и содействие государства.

Уже на первом после своей интронизации ежегодном епархиальном собрании в Москве в 2009 г. Патриарх Московский и всея Руси Кирилл указал: «В наше время у каждого прихода должна быть своя социальная специализация... Предлежащий нам фронт работы обширен, встает вопрос о подготовке специалистов, способных организовать на приходском уровне полноценную социальную работу. Очевидно, нам потребуется ввести должность социального работника в каждом приходе» [4]. В дальнейшем было предложено расширить эту практику на все епархии Русской Православной Церкви.

Архиерейский собор 2011 года подчеркнул необходимость активизировать работу по введению в приходах Русской Православной Церкви штатных оплачиваемых должностей педагога, социального работника и ответственного за работу с молодежью. Однако, поскольку далеко не каждый приход мог позволить себе три новые штатные единицы, указывалось, что на первом этапе эти должности следует вводить в крупных городских приходах, при этом штатные оплачиваемые сотрудники должны быть в каждом благочинии с тем, чтобы они помогали всем настоятелям в рамках благочиния развивать соответствующую работу. На заседании Высшего Церковного Совета 30 ноября 2012 года были приняты «Церковный образовательный стандарт по подготовке катехизаторов» и «Положение об аттестации катехизаторов». В настоящее время идет работа над подготовкой стандартов для молодежных руководителей и социальных работников, разрабатываются должностные инструкции и методические указания для приходского и благочиннического педагога, социального работника и ответственного за работу с молодежью [5].

Важным документом по организации и систематизации православного служения стало принятое Архиерейским Собором 4 февраля 2011 г. положение «О принципах организации социальной работы в Русской Православной Церкви». В нем представлена модель организации социальной работы на

общецерковном, епархиальном, монастырском и приходском уровнях, которая должна стать руководством к действию в ближайшие годы. Архиерейский Собор 2013 г. подчеркнул, что работа по профильным направлениям церковной деятельности, в том числе на уровне благочиний и приходов, должна осуществляться сотрудниками, прошедшими специальную подготовку.

12 марта 2013 г. Священный Синод Русской Православной Церкви принял документ, регламентирующий подготовку приходских специалистов, в том числе социальных работников [6]. Этот документ стал очередной ступенью процесса, который был инициирован в последние годы Священноначалием и направлен на то, чтобы осуществить дифференциацию различных видов церковных служений на приходах, в благочиниях и епархиях. Однако введение новых должностей сотрудников, ответственных за различные области церковного служения, не является «инновацией» — по сути дела, речь идет о возвращении к традиционному многообразию общинных служений, успешно функционировавших в различные периоды истории Русской Православной Церкви.

Сравнивая прошлое с современным историческим периодом, надо отметить, что сейчас значительно расширились области социального служения РПЦ. «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви» содержат 16 пунктов перечисления областей совместного делания. В их числе такие области, которые не просматривались ранее в качестве возможного социального служения Церкви: проблемы биоэтики; проблемы экологии; международные отношения; отношения со светской наукой и средствами массовой информации. Однако в современной жизни утрачены многие существовавшие в прошлом формы социальной деятельности Русской Православной Церкви, которые, возможно, следовало бы возродить: приюты для бездомных; воспитательные дома для детей и подростков, живущих на вокзалах; приюты для неизлечимо больных людей; законодательные ограничения для работоспособных «попрошак» в общественных местах, рабочие дома для них. На наш взгляд, нуждается в возрождении с учетом современных условий опыт государственной поддержки стимулирования социального служения Отечеству благотворителей и меценатов под сенью Русской Православной Церкви.

Характерной особенностью в нынешней России является расширение социально незащищенных слоев общества. К ним относятся люди, находящиеся за чертой бедности, старики, инвалиды, безработные. Увеличение численности таких лиц, естественно, отрицательно сказывается на всем обществе и в развитии государства в целом, нанося

ему экономический ущерб [7]. Поэтому проблема благотворительности на данный момент стоит наиболее остро, и необходимо осознание ее практической ценности.

Становится ясно, что для решения нынешних проблем нам необходимо обратиться к опыту наших предшественников, чья благотворительная деятельность осуществлялась не от тщеславия, но от чувства любви и солидарности, стремления искоренить все негативные последствия, связанные с наличием в обществе незащищенных слоев населения [8]. Исходя из вышеизложенного, мы можем сделать вывод, что на протяжении длительного периода исторического развития нашей страны и общества нами накоплен огромный опыт по созданию различных форм социальной поддержки населения, где благотворительность занимает важное место. Государство обязано увидеть в благотворительности один из важнейших рычагов управления в решении социальных проблем и, таким образом, способствовать развитию благотворительной деятельности, создавая благоприятные политические, экономические, правовые и организационные условия для ее развития.

Литература

1. Российская благотворительность. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://simhos.ru/philanthropy/86-russian-charity.html>.
2. Благотворительность в России: Социальные и исторические исследования / Под общ. ред. О. Л. Лейкина. СПб.: Лики России, 2002.
3. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://ok-gorod.ru/blagotvoritelnost.html>.
4. Доклад Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла на Епархиальном собрании г. Москвы 23 декабря 2009 года. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/969773.html>.
5. Определение Освященного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви «О вопросах внутренней жизни и внешней деятельности Русской Православной Церкви» от 4 февраля 2011 года. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1402551.html>.
6. Правила организации подготовки специалистов в области катехизической, миссионерской, молодежной и социальной деятельности. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2843052.html>.
7. Надеева М.И., Надеева Д.Б., Шакуров Р.Х. К вопросу о формировании целостного рационально образного миропонимания у студентов технологического университета / М.И.Надеева, Д.Б.Надеева, Р.Х.Шакуров // Вестник Казан. технол. ун-та. – 2012. – Т. 15, № 3. – С.205.
8. Надеева М.И., Надеева Д.Б. Факторы формирования поликонфессионального пространства России / М.И.Надеева, Д.Б.Надеева // Вестник Казан. технол. ун-та. – 2013. – Т. 16, № 22. – С.381.